

НИЖЕГОРОДСКИЙ ПОЛИЦМЕЙСТЕР (1894) М. К. СЕМЕНТОВСКИЙ-КУРИЛЛО (1857–1919)

Много лет назад в книге А.П. Мельникова «Очерки бытовой истории Нижегородской ярмарки» я натолкнулась на следующие строки:

«...арфистки выманивали дорогие подарки и голосили с трактирных подмосток: «Конфетка моя леденистая, полюбила я милого румянистого». В девяностых годах, когда на смену долго служившего нижегородским полицмейстером Н.Г. Каргера полицмейстером сделался красавец мужчина Курилло-Сементовский, арфистки стали петь: «Конфетка моя леденцовская, полюбила я Куриллу-Сементовского»¹.

В краеведческой литературе никакой информации об этом полицмейстере не нашлось, но я не забыла о своем интересе к нему, т.к. мои предки по материнской линии также носили фамилию Сементовские. Лишь в 2018 году, в ходе активного родословного поиска, удалось установить, что предки Сементовских и Сементовских-Курилло восходят к одному корню, а заодно реконструировать биографию Митрофана Константиновича. Здесь приводится уточнённая версия жизнеописания, источниками которой послужили генеалогический сайт Александра Чуприлина², прямого потомка этой ветви рода, нижегородская периодика и издания из электронных библиотек.

Начнём с происхождения нашего героя. Его дед, **Максим Филиппович Сементовский** (1793–1875), сын священника села Калайдинцы Лубенского уезда Полтавской губернии, получил образование в Императорской медико-хирургической академии в Санкт-Петербурге, участвовал в качестве штаб-лекаря в Отечественной войне 1812–1814 годов. Двойная фамилия появилась в связи с оформлением дворянства, и с конца 1820-х годов в документах он фигурирует уже как Сементовский-Курилло. 21 марта 1830 года ему был пожалован диплом с гербом на дворянское достоинство. Дети и внуки писались в документах по-разному: Сементовские, Сементовские-Курилло, Курилло-Сементовские.

У Максима Филипповича было семеро детей – две дочери и пятеро сыновей. Особую известность снискали трое из них – Николай, Александр и Константин, представленные на одной странице в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона³.

Николай Максимович Сементовский (1819–1879) – чиновник Военного министерства в Петербурге, потом при киевском гражданском губернаторе. Он был широко известен своими книгами по истории, археологии и этнографии Малороссии, являлся членом-сотрудником Русского Географического общества, членом Императорского археологического общества, имел собственную типографию в Киеве, где печатал и свои труды.

Александр Максимович Сементовский (1822–1893) – чиновник лесного ведомства, экономист-статистик, краевед, этнограф, археолог, член-сотрудник Русского Гео-

¹ Мельников Андрей Павлович. Очерки бытовой истории Нижегородской ярмарки. – Нижний Новгород: Изд. Нижегород. ярмарочного купечества, 1917. – С. 183

² Мои предки: Сементовские-Курилло, Феттинги, Трухачевы, Доливо-Добровольские: сайт Александра Чуприлина. – режим доступа: <https://asdfghhjk.blogspot.com/>.

³ Сементовский // Энциклопедический словарь. Т. 29 (Сахар – Семь мудрецов) / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – С.-Петербург, 1900. – С. 438.

графического общества, член-корреспондент Вольного экономического общества и Московского археологического общества. Значительную часть своей жизни он посвятил изучению Витебского края, с 1863 по 1880 год являлся секретарем Витебского статистического комитета и редактором «Адрес-календарей» и «Памятных книжек Витебской губернии».

Константин Максимович Сементовский (1823–1902), отец нашего героя, – писатель, историк, краевед, этнограф, фольклорист (литературный псевдоним Константин Калайденский). По окончании Нежинского лицея князя Безбородко служил в канцелярии Черниговского, Полтавского и Харьковского генерал-губернаторов.

В 1849 году Константин Максимович был назначен правителем канцелярии Таганрогского градоначальника. В Таганроге он женился на **Анне Ильиничне Алфераки** (1830–1900) из знатного рода ганзейских греков, переселившихся в Россию. Анна приходилась двоюродной сестрой Дмитрию Егоровичу Бенардаки (1799–1870), соучредителю «Компании Нижегородской машинной фабрики и Волжского буксирного и завозного пароходства», построившей знаменитый Сормовский завод, а её младший брат, действительный статский советник Константин Ильич Алфераки, служил в Нижнем Новгороде управляющим палатой Государственного контроля.

В 1854 году супруги Сементовские переехали в Петербург, где Константин Максимович поступил на службу в Комиссию прошений в канцелярии статс-секретаря Его Величества. Анна Ильинична занималась благотворительностью, входила в Общество попечения об улучшении быта питомцев Императорского Санкт-Петербургского воспитательного дома.

Сементовские-Курилло и Бенардаки были тесно связаны деятельностью в Амурской компании, учреждённой в 1858 году с целью развития пароходства, промыслов и торговли в Приамурском крае. В 1864 году они участвовали в заседании Русского Географического общества, где обсуждалось развитие Азовского побережья в экономическом и промышленном отношении. После смерти Дмитрия Егоровича Константин Максимович вошёл в состав опекунского управления над имуществом и делами наследников Д.Е. Бенардаки.

У Константина Максимовича и Анны Ильиничны было четверо детей. Старший, Николай, родился в 1855 году, но рано умер. Вторым был Митрофан, герой нашего повествования. Третий, Дмитрий, родился 16 сентября 1859 года, а восприемником при его крещении был император Александр II. Впоследствии Дмитрий Константинович стал известным российским дипломатом, директором Азиатского департамента Министерства иностранных дел, имел придворное звание гофмейстера, с 1907 года был российским посланником в Болгарии и умер в Софии в 1911 году.

Единственная дочь, Варвара Константиновна (11 сентября 1861 – 8 ноября 1910), вышла замуж за чиновника Министерства иностранных дел Александра Ивановича Кояндера. Долгое время её муж служил секретарем Русской миссии в Пекине, занимал дипломатические посты в Черногории, Болгарии, Египте, Португалии. Супруги Кояндер умерли и погребены в Швейцарии.

Таким образом, Митрофан Константинович Сементовский-Курилло, появившийся на свет 14 декабря 1857 года в Санкт-Петербурге, принадлежал аристократической семье, приближённой ко двору. В 1878 году он окончил кавалерийское училище и был произведён в младшие офицеры.

Уже с первых шагов своей карьеры корнет лейб-гвардии М.К. Сементовский-Курилло проявил фамильную склонность к просветительству: в 1879 году выпустил две брошюры для низших чинов – «Порча и разрушение кавалерией железнодорожных и телеграфных сообщений посредством динамита» и «Сборник вопросов для проверки знания службы унтер-офицеров и рядовых кавалерии».

Митрофан Константинович был на хорошем счету и быстро продвигался по карьерной лестнице. В апреле 1882 года он был назначен адъютантом генерал-губернатора Восточной Сибири и командующего войсками Забайкальского Казачьего войска Д.Г. Анучина⁴. Вскоре женился на дочери своего командира – 18-летней Елизавете Дмитриевне. Их венчание проходило в Иркутске 28 января 1883 года, в домовая церкви женского института.

Этот брак оказался крайне неудачным и бездетным. В 1887 году жена покинула супруга и исчезла в неизвестном направлении. К семейным обстоятельствам Митрофана Константиновича мы вернёмся чуть позже, а пока продолжим рассказ о его службе.

В 1883 году 26-летний офицер вступил в должность командира Иркутской казачьей сотни – одной из двух в составе только что образованного Иркутского военного округа и был произведён из сотников в есаулы⁵.

Священник Успенской церкви г. Иркутска на страницах епархиальных ведомостей писал:

«...Но вот вступает в командование сотней М.К. Сементовский, и дело поднятия религиозно-нравственного уровня казаков стало на настоящую дорогу. Казаки при офицере стали ходить в церковь; с октября месяца прошлого года заведены внебогослужебные беседы по одному разу в неделю. <...> С благодарностью сотня должна вспоминать М.К. Сементовского»⁶.

В 1885 году ротмистр армейской кавалерии Митрофан Сементовский-Курилло вернулся в Санкт-Петербург, где был назначен адъютантом городской комендатуры. Кроме выполнения уставных обязанностей он нёс дежурство в Зимнем дворце, привлекался для обеспечения порядка на пожарах, высочайших выходах, молебнах, похоронах воинских чинов, а также «для пресечения беспорядков и бесчинств» в театрах, концертах, увеселительных местах.

Тогда же он приобрел на пересечении Невского и Лиговского проспектов крупную гостиницу «Знаменская» с солидным рестораном, которой владел до 1892 года (потом

⁴ Русский инвалид (ежедневная военная газета). – 1882. – № 89 (25 апреля). – С. 1.

⁵ Русский инвалид. – 1883. – № 105 (16 мая). – С. 5.

⁶ Иркутские епархиальные ведомости. – 1884. – № 12 (24 марта). – С. 149-151.

новый хозяин переименовал её в «Большую Северную», а в советское время её переименовали в «Октябрьскую»). Официально гостиница принадлежала его жене Елизавете Дмитриевне, имевшей купеческое свидетельство 2-й гильдии.

После бесследного исчезновения Елизаветы Дмитриевны держательницей гостиницы «Знаменская» была мать Митрофана Константиновича Анна Ильинична, с 1891 года также числившаяся во 2-й купеческой гильдии. Оба родителя участвовали в управлении гостиницей, обеспечивая сыну организационную, юридическую и финансовую поддержку, являя редкий тогда пример дворян-предпринимателей.

С 1886 года ротмистр Сементовский-Курилло служил чиновником для особых поручений при начальнике Главного штаба Военного министерства. В октябре 1888 года его перевели в Польшу и назначили командиром отделения пограничной стражи в Завихосте Радомской губернии, а с 1890 года – начальником земской стражи и полицмейстером в городе Седльце Варшавской губернии.

В 1892 году Митрофан Константинович возвратился в Санкт-Петербург и был прикомандирован к Управлению градоначальника, в полицейский резерв. К этому моменту 35-летний подполковник уже обладал солидным арсеналом государственных и иностранных орденов. Среди его наград – австрийский орден Железной Короны III степени (1886), орден Святого Станислава III степени (1887), Знак Общества спасения на водах (1887), сербский орден Таковского креста III степени (1889), а вскоре к ним добавились персидский орден Льва и Солнца III степени (1892) и орден Святой Анны III степени (1893).

Нового назначения долго ждать не пришлось: в 1893 году пост нижегородского полицмейстера покинул Николай Густавович Каргер (1814–1896), бессменно занимавший его с 1867 года⁷, и Митрофан Константинович был назначен на его место.

Нижегородские газеты сообщали:

- ✓ В субботу 1 января вступил во временное исполнение обязанностей нижегородского полицмейстера на днях прибывший в Нижний Новгород подполковник Сементовский-Курилло⁸.
- ✓ Высочайшим указом по военному ведомству от 10 января подполковник Сементовский-Курилло назначается полицмейстером г. Н. Новгорода с оставлением по армейской кавалерии⁹.

Поселился прибывший на набережной Зеленского съезда (ныне улица Пожарского) в доме Фроловых. В середине января полицмейстер объявил через газету, что принимать всех желающих обратиться к нему лично будет с 9 до 12 часов в канцелярии при полицейском управлении (в кремле), а в экстренных случаях – во всякое время дня и ночи в канцелярии или квартире¹⁰.

Уместно привести фрагмент из воспоминаний Бориса Садовского с описанием нашего героя, где он предстаёт в несколько карикатурном виде:

⁷ Каргер Николай Густавович (1814–1896), дворянин, действительный статский советник (1877). Прапорщик Корпуса лесничих (1842), с 1846 года – лесничий Макарьевского уезда Нижегородской губернии. В 1861 году уволен по болезни в чине капитана Корпуса лесничих с сохранением мундира, служил Васильсурским земским исправником, в 1867–1895 годах – нижегородским полицмейстером. Награды: ордена Св. Владимира III и IV степени, Св. Станислава I и II степени, Св. Анны II и III степени, персидский орден Льва и Солнца I степени, шведский командорский крест 1-го класса ордена Вазы, медали. В 1894 году ему была начислена годовая пенсия в размере 2400 рублей.

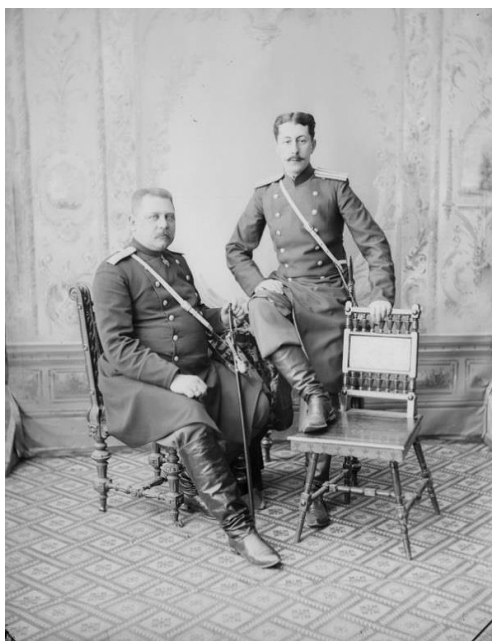
⁸ Нижегородские губернские ведомости. – 1894. – № 1 (5 янв.). – С. 1.

⁹ Волгарь. – 1894. – № 10 (14 января). – С. 2.

¹⁰ Волгарь. – 1894. – № 11 (15 января). – С. 2.

«В январе 1894 г. в Нижний назначен был новый полицеймейстер Сементовский-Курилло, в просторечии Курила. Это был молодой красавец восточного типа, двоюродный брат по матери моего приятеля Алфераки¹¹. <...> Высокий, с черными усами на длинном белом лице, в ослепительных перчатках, Курила прежде служил в гвардейских кирасирах. У нас он ретиво принялся за дело. Торговцам из евреев тотчас приказано было полностью прописать на вывесках имена, отчества и фамилии. По ночам полицеймейстер, переодевшись жуликом, отправлялся в притоны, накрывал и ловил воров. «Ну уж и Курила, накурил он у нас делов», – говорил один мастеровой другому. «Волгарь» и «Нижегородский листок» то и дело печатали энергичные приказы Курилы по полиции...»¹²

В фондах ГАРХАДНО сохранились два фотопортрета Митрофана Константиновича Сементовского-Курилло, выполненные в 1894 году замечательным мастером Максимом Петровичем Дмитриевым. На первом снимке перед нами предстают два нижегородских полицейских чина. Сементовский-Курилло стоит, опираясь ногой на стул, и в этой позе чувствуется кавалерийская удаль.

*Чины полиции. Фото М.П. Дмитриева, 1894 год.
Справа – М.К. Сементовский-Курилло*

На втором снимке мы видим Митрофана Константиновича совсем другим: он погружён в свои думы и выглядит гораздо старше и серьёзнее. А хлопот у него, действительно, было немало.

¹¹ Речь о Николае Константиновиче Алфераки. «Шестнадцать лет, до выхода отца в отставку, семья наша жила на Мартыновской улице в доме Удельной конторы. Мы занимали казённую квартиру в бельэтаже. Сын управляющего Контрольной палатой, Коля Алфераки, был моим лучшим приятелем. Жил он над нами...» // Борис Садовской. Записки (1881–1916). – Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. – М., 1994. – С. 129.

¹² Борис Садовской. Указ соч. – С. 130-131.

***М.К. Сементовский-Курилло.
Фото М.П. Дмитриева, 1894 год***

С начала 1894 года и вплоть до открытия ярмарки в газетах «Нижегородский листок» и «Волгарь» практически ежедневно сообщалось о действиях полицмейстера и публиковались его распоряжения, которые касались буквально всех сторон жизни губернского города. Каждый приказ Митрофана Константиновича состоял из нескольких пунктов, в которых содержалась констатация вопиющих фактов и предлагались практические шаги к исправлению выявленных безобразий. Приводить текст приказов нет возможности, да и необходимости, поэтому ниже представлена лаконичная хроника событий нескольких месяцев одного года, которые полицмейстер провёл в нашем городе.

Январь

В первый же день службы (10 января 1894 года) М.К. Сементовский-Курилло посетил нижегородский тюремный замок, где осмотрел помещения¹³.

Вскоре вместе с помощником Косткиным он сумел раскрыть крупную растрату в 27 тыс. рублей на нижегородской товарной станции, задержать злоумышленника – кассира Вячеслава Косарева и вернуть половину украденной суммы. Не скупясь на подробности, хроникёр подробно описывает все перипетии запутанного дела¹⁴.

13 января состоялось заседание Распорядительного комитета по подготовке Всероссийской выставки в Нижнем Новгороде. На заседании был поднят вопрос о новых извозничьих экипажах. Командированный в Москву заведующий городским наружным хозяйством Ф.С. Клоков сообщил, что новые пролётки с крытым верхом будут стоить по 400 рублей, однако Митрофан Константинович нашёл возможность сэкономить средства городского бюджета:

¹³ Нижегородский листок. – 1894. – № 13 (13 января). – С. 1.

¹⁴ Раскрытие растраты 27 тыс. рублей на нижегородской товарной станции // Волгарь. – 1894. – № 8 (12 января). – С. 2-3.

«И. д. полицмейстера Сементовский-Курилло на вопрос председателя сообщил, что в Петербурге в 1895 г. вводятся новые извозчицьи пролётки, заказ на которые (до 3.500) сдан экипажным мастерам по 200 р. за пролётку. Ввиду такого заявления, впредь до получения подобных сведений от петербургских мастеров, вопрос об улучшении экипажей оставлен пока открытым»¹⁵.

15 января сообщалось, что полицмейстер запретил игру на бильярде на деньги в гостиницах и трактирах, за исключением 15 первоклассных заведений, где игра являлась «исключительно удовольствием для играющих». Причиной указа стали многочисленные случаи, когда во время азартной игры на бильярде разорялись мелкие служащие. Также речь шла о намерении полиции ограничить ночную торговлю в гостиницах установленными часами, указанными в положении о трактирном промысле (до 24-00 или в некоторых до 2 часов ночи).

Были приняты меры по укреплению порядка в городе: учрежден строгий контроль за караулами, на главных улицах, съездах и у театра, где бывает большой разъезд, поставлены конные полицейские¹⁶.

20 января был издан приказ по полиции, запрещающий продажу спиртных напитков в долг или под залог вещей. В гостиницах и трактирах на видном месте должно быть вывешено объявление о запрете такого «обмена». Работодателей полицмейстер призвал к соблюдению закона в отношении труда детей до 15 лет, которые «не могут работать свыше 8 часов в сутки, не более 4 часов сряду и ни под каким предлогом не могут работать ночью, в праздничные или высокотожественные дни». Предлагал установить время для вывоза нечистот – с 12 ночи до 5 утра¹⁷.

21 января был выпущен приказ, вменявший чинам полиции строго пресекать посещение воспитанниками учебных заведений гостиниц и трактиров, где играют на бильярде. За это нарушение хозяевам заведений грозила ответственность. Одновременно всем держателям гостиниц и трактиров вменялось в обязанность под страхом строгой ответственности сообщать полиции о каждом заказном обеде, вечере, бале или вообще собрании. В письменном заявлении следовало указать распорядителя, время и место обеда, количество человек и прочие сведения. Распоряжения коснулись и правил соблюдения магазинной и розничной торговли¹⁸.

Борис Садовской приводит ещё одно любопытное свидетельство того, как полицмейстер следил за соблюдением учащимися «благочиния, добронравия и порядка»:

«В [Александровском] институте кончал курс Евгений Парадизов, рослый румяный юноша. Он ухаживал за одной актрисой и хотел попасть к ней на бенефис. Но пьеса оказывалась неудобной для учащихся, и [инспектор] Аллендорф не пустил влюблённого в театр. Парадизов придумал остроумный выход. Оделся в штатское, наклеил усы и явился в ложу. Но в конце второго действия один ус отпал, и Парадизов принуждён был бежать. Это не скрылось

¹⁵ Заседание распорядительного комитета Всероссийской выставки // Нижегородские губернские ведомости. – 1894. – № 3 (19 янв.). – С. 2; Волгарь. – 1894. – № 9 (13 января). – С. 2.

¹⁶ Волгарь. – 1894. – № 11 (15 января). – С. 2.

¹⁷ Волгарь. – 1894. – № 16 (21 января). – С. 2.

¹⁸ Из вчерашнего приказа полицмейстера // Волгарь. – 1894. – № 17 (22 января). Позже, в приказе от 27 января, было запрещено торговать печатной продукцией без разрешения начальства.

от орлиного взора Курилы, и он подстерёг беглеца в дверях. – «Как ваша фамилия?» – «Петров». – «Как?» – «Иванов». – «Как?» – Парадизов смутился и был арестован. Вероятно, Курила принял его за политического преступника, которые в те времена встречались реже белого ворона. Делу, однако, не дали ходу. Вступился [губернатор] Баранов, и виновный, отсидев несколько воскресений в карцере, благополучно окончил курс»¹⁹.

В ночь на 25 января Сементовский-Курилло со своим помощником А.А. Знаменским произвели осмотр нескольких гостиниц в нижней части города, в ходе которого выявили массу нарушений (грязь, холод, сырость, зловоние, отставшие обои, грязная обивка на диванах, скученность жильцов и прочее). В репортаже об этом, в частности, говорится:

«На Рождественской улице, в одном из трактиров Сметанкина против чайных рядов полицмейстер увидел при входе в зал нечто вроде мастерской: где были посетители, за столом сидел какой-то «мастер» и заливал свинцом ручки у чайников. <...> А в трактире Березина найден ход, соединяющий его прямо с банями!»²⁰

Владельцам этих заведений – Кораблёву, Деровой, Гущину, Блинову, Сметанкину – было предписано немедленно принять меры для наведения порядка. Полицмейстер также предписал осмотреть и другие «заведения для продажи напитков» в городе. В ночь на 27 января им был произведён обход Макарьевской части. Осмотрен 101 дом, задержано 38 человек «бродячего люда»²¹.

Впоследствии были осуществлены и другие подобные рейды, но уже в сопровождении городского санитарного врача А.П. Покровского. В первую очередь врачебно-полицейскому надзору подверглись народные столовые, трактиры, пивные лавки, меблированные комнаты, бани и парикмахерские в разных частях города, а также «весёлые дома» в Макарьевской части²².

Полицмейстер нашел состояние многих заведений «совершенно невозможным в санитарном и пожарном отношении», после чего последовал ряд предписаний как их владельцам, так и полицейским чинам. Хозяева обязаны были предоставить планы внутренних помещений своих заведений, очистить дворы от снега и хлама, привести в порядок вывески, на которых следовало указать имена владельцев (особенно это коснулось еврейских лавок), установить вывески на всех ремесленных заведениях с точным обозначением ремесла, убрать с фасадов ненужные украшения. При этом в обязанности чинов полиции входило не только следить за наружным порядком на вверенных участках, но и производить тщательный осмотр заведений общественного питания и торговли, следить за выполнением их владельцами предписаний и докладывать о малейших замеченных нарушениях²³.

28 января состоялось заседание городской управы под председательством и. д. городского головы доктора А.П. Покровского. В ходе совещания было принято решение

¹⁹ Борис Садовской. Указ соч. – С. 130.

²⁰ Волгарь. – 1894. – № 21 (27 января). – С. 2.

²¹ Волгарь. – 1894. – № 24 (30 января). – С. 2.

²² Волгарь. – 1894. – № 25 (1 февраля); № 38 (18 февраля); № 51 (4 марта).

²³ Волгарь. – 1894. – № 24 (30 января); № 25 (1 февраля); № 41 (20 февраля); № 59 (13 марта).

внести в обязательные постановления о трактирах новые правила, предложенные полицмейстером²⁴.

Февраль

В феврале был проведен объезд всех четырёх полицейских частей города, начиная с Рождественской. В приказе по городской полиции от 11 февраля говорится:

«Посетив совместно с г. Знаменским в 4 ч. утра управление пристава Рождественской части, г. полицмейстер к крайнему удовольствию нашёл, что пристав Бородин, хотя и занимает эту должность весьма короткое время, но уже успел привести в отличный вид помещение канцелярии и помещение арестантов. Обращается на это особое внимание гг. приставов из других частей города с предложением в самое короткое время привести их части в исправный и упорядоченный вид»²⁷.

Это едва ли не единичный случай, когда новый полицмейстер остался доволен работой своих подчинённых. Уже 13 февраля в ходе ревизии 1-й Кремлевской части он вынес выговор приставу Гуляеву за медлительное делопроизводство и исполнение денежных бумаг²⁵.

15 февраля был произведён смотр обмундирования околоточных надзирателей всех четырёх частей с предписанием в недельный срок привести его в исправность²⁶.

В следующие дни последовали распоряжения приставам и околоточным надзирателям навести порядок в выдаче свидетельств о бедности, представить в полицейское управление изъятые из употребления бланки и печати, чтобы избежать их использования мошенниками. Пришлось также напоминать о необходимости записывать вещи и деньги, отобранные при арестах и задержаниях. Кроме того, полицмейстер затребовал у приставов список неграмотных городских. В ходе проверок было замечено, что «чины полиции мало знакомы с законоположениями и допускают ошибки в направлении дел по подсудности», поэтому было предписано никаких дел и жалоб обывателей не принимать, а разъяснять, куда обращаться²⁷.

В феврале были осуществлены две важные меры по совершенствованию деятельности полиции. Во-первых, приказом от 13 февраля при городском управлении полиции под непосредственным руководством Митрофана Константиновича началось создание адресного стола. Все домовладельцы обязаны были предоставить в полицейское управление книги регистрации прибывших и убоавших, что позволяло оперировать информацией о проживающих в городе и приезжих²⁸.

Вторым важным начинанием стало учреждение при городском полицейском управлении сыскного стола, в котором «было сосредоточено заведование всеми городскими происшествиями». Его заведующим был назначен помощник пристава 1-й Кремлевской

²⁴ Волгарь. – 1894. – № 24 (30 января). – С. 2.

²⁵ Нижегородский листок. – 1894. – № 43 (12 февраля). – С. 2.

²⁶ Волгарь. – 1894. – № 35 (13 февраля). – С. 2.

²⁷ Волгарь. – 1894. – № 38 (18 февраля); № 41 (20 февраля); № 45 (23 февраля).

²⁸ При городском полицейском управлении создан адресный стол // Волгарь. – 1894. – № 35 (13 февраля). – С. 2.

части Н.Н. Фомин. Для быстроты розыска преступников приставам вменялось в обязанность помимо личного доклада полицмейстеру немедленно сообщать в сыскной стол, указывая время, место, обстоятельства произошедшего и то, что уже сделано для раскрытия преступления.

В распоряжении сыскной полиции имелаась картотека «карманных и иных воров, сбежавших с украденными деньгами кассиров и других лиц, известных из хроник криминальных происшествий» – около ста фотографических карточек, на обратной стороне которых подробно указывались все проступки и биография преступников²⁹.

Параллельно был произведён ремонт помещений полицейского управления в кремле «по образцу управления в Петербурге». Более рационально на двух этажах были размещены канцелярия, рабочие кабинеты полицмейстера, его помощников, заведующего канцелярией и залы для приёма посетителей.

Март

На повестке дня в 1894 году остро стояли проблемы городского транспорта. Этому вопросу уделяли большое внимание и городские власти, и Распорядительный комитет по проведению в Нижнем Новгороде Всероссийской выставки.

В своих распоряжениях полицмейстер призывал извозчиков к соблюдению установленных такс за проезд при расчётах с пассажирами, лихачам на тройках запретил нарушать благочиние громкими выкриками и пригрозил ответственностью тем из них, кто ездит без жетонов (номерных знаков). По согласованию с полицией городской управой были утверждены постановления, касающиеся извозного промысла³⁰.

Часто и не совсем корректно цитируется высказывание Митрофана Константиновича относительно введения в городе электрического транспорта. В статье директора Музея электротранспорта Е. Чугриной читаем:

«9 марта 1894 года на заседании выставочной комиссии нижегородский полицмейстер Сементовский-Курилло подверг критике трамвайный вопрос: «Устройство электрических железных дорог в городе нельзя допустить по тем причинам, что лошади могут пугаться, последствием чего при сравнительно небольшой ширине улиц могут быть несчастия с людьми»³¹.

Пресса того времени позволяет узнать, как это было на самом деле:

«9 марта 1894 года в вечернем заседании городской комиссии, посвященном вопросу об устройстве электрических дорог в Нижнем Новгороде, сделано весьма важное сообщение. В частном совещании у городского головы г. Сементовский высказал, что устройство электрических дорог в городе нельзя не признать крайне опасным для движения экипажей (лошади пугаются). В Нижнем, где улицы узки, это еще более опасно. Ввиду этого поднят

²⁹ При городском полицейском управлении учреждён сыскной стол // Волгарь. – 1894. – № 38 (18 февр.). – С. 2.

³⁰ Приказы по городской полиции // Волгарь. – 1894. – № 16 (21 января). – С. 2; № 24 (30 января). – С. 2; № 51 (4 марта). – С. 2; № 71 (29 марта); Протокол нижегородской городской думы от 26 марта 1894 года.

³¹ Чугрина Е. «Дорога должна быть устроена...» // Город и горожане. – 1996. – 3 февр. – С. 5. – (К 100-летию Нижегородского трамвая).

вопрос об устройстве конно-железных дорог. Но комиссия после дебатов решила вопрос оставить в прежнем виде»³².

Мы видим, что смысл высказывания полицмейстера совершенно иной: вместо категоричного «нельзя допустить» звучит предостережение – «нельзя не признать крайне опасным», и этот довод показался участникам совещания вполне убедительным, коль скоро они дебатировали этот вопрос.

12 марта открылся адресный стол. Заведовать им был назначен г. Луговской из Петербурга. Справки выдавались с 9 утра до трех часов дня, причем бесплатно. В первый же день работы было выдано 15 справок. Важно отметить, что «организация адресного стола сделана без всяких затрат со стороны города»³³. В связи с началом функционирования адресного стола ужесточились меры по прописке документов и выдаче видов на жительство. Статистика приводится в корреспонденциях «Нижегородского листка»:

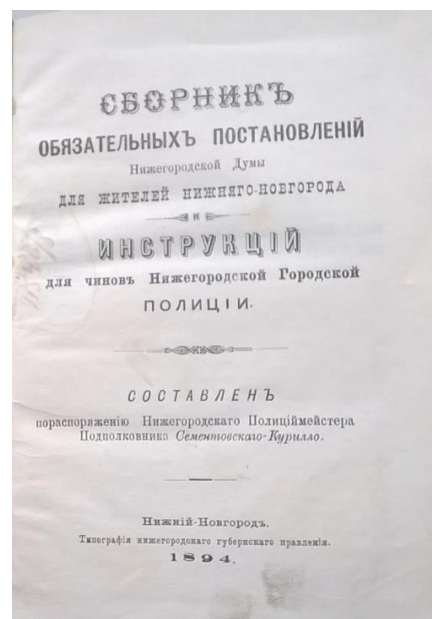
«Вследствие строгого надзора полицмейстера за тем, чтобы у всех проживающих в Нижнем были представляемы в участок их виды и паспорта, как в мещанской, так и ремесленной управах идёт усиленная выдача видов и билетов на проживание. В мещанской управе за последние два месяца выдано около 3000 билетов и видов, в то время как прежде выдавалось 4000 билетов в течение года. <...> Между тем самое горячее время для выдачи документов ещё не наступило – оно наступит с приближением открытия навигационного периода»³⁴.

15 марта 1894 года по распоряжению полицмейстера был издан «Сборник обязательных постановлений Нижегородской думы для жителей Нижнего Новгорода и инструкций для чинов Нижегородской городской полиции».

Здесь были собраны все требования, касающиеся благоустройства города, содержания животных, проезда на легковых и ломовых извозчиках, строительства и прочих сторон жизни губернского центра, а также инструкции околоточным надзирателям, приставам и городовым, описание их форменной одежды и прочее³⁵.

Как отмечал «Волгарь», «Это совершенно новое и весьма полезное издание. До сего времени все постановления были разбросаны в отдельных брошюрах»³⁶.

«Нижегородский листок» также отозвался положительно на выход в свет данного издания, но посетовал на его дороговизну:

³² Волгарь. – 1894. – № 56 (10 марта). – С. 2.

³³ Волгарь. – 1894. – № 56 (10 марта); № 57 (11 марта); № 58 (12 марта).

³⁴ Нижегородский листок. – 1894. – № 58 (27 февраля). – С. 1; № 74 (16 марта). – С. 2.

³⁵ Сборник обязательных постановлений Нижегородской думы для жителей Нижнего Новгорода и инструкций для чинов Нижегородской городской полиции / Составлен по распоряжению нижегородского полицмейстера подполковника М.К. Сементовского-Курилло. – Нижний Новгород: Типография Нижегородского губернского правления, 1894. – 211, IV с.

³⁶ Волгарь. – 1894. – № 69 (15 марта). – С. 2.

«Сборник сослужит большую пользу всем тем, которые, по их служебным обязанностям или иному положению, приходится ведаться с общественно-обывательскими сторонами городской жизни. <...> Нельзя не выразить сожаления, что цена сборника в один рубль назначена несколько дорого. Чем дешевле, тем она была бы доступнее»³⁷.

В значительной степени необходимость данного издания была продиктована неудовлетворённостью полицмейстера личным составом нижегородской полиции, начиная от неряшливого внешнего вида и заканчивая нерадивым и небрежным отношением к служебным обязанностям. «Интересы городских обывателей слишком близки мне, чтобы я далее терпеть мог такой порядок», – заявлял Митрофан Константинович, неустанно призывая своих подчиненных к порядку: «Полицмейстер надеется, что все без исключения чины нижегородской полиции положат все силы и старания для достижения безопасности личности жителей города и их имущества»³⁸. Он настойчиво требовал усилить надзор за караулами, установить на улицах посменное дежурство. Отмечал, что «городовые на посту стоят крайне вяло, относясь к окружающему безучастно», отвлекаются на посторонние разговоры, поэтому «многие кражи совершаются близ полицейских постов или во дворах, охраняемых ночными сторожами».

Всем служащим полиции предписано было проявлять бдительность, принимать более энергичные меры к розыску похищенных вещей, следить за своим внешним видом и соблюдать правила обращения к военным (отдавать честь) и публике (брать под козырёк).

В марте по приказу полицмейстера была создана особая комиссия для проверки знаний полицейской службы. В неё вошли: помощник полицмейстера А.А. Знаменский (председатель), пристав 1-й Кремлёвской части подполковник Змиев, пристав Рождественской части Бородин и заведующий сыскной частью Н.Н. Фомин. Заседания комиссии было решено проводить в здании городского полицейского управления³⁹.

19 марта городской думой были утверждены обязательные постановления для лиц, занимающихся извозным промыслом. Ряд из них был включен по распоряжению полицмейстера. В частности, §26 содержал перечень случаев, когда по требованию полиции извозчик обязывался осуществлять перевозки бесплатно. Кроме того, вводились в практику систематические смотры лошадей, сбруи и экипажей, которые вызывали много нареканий со стороны полицмейстера. Смотры были проведены в апреле и мае комиссией в составе полицмейстера, приставов городских полицейских частей и депутатов от извозчицких бирж. Из 400 экипажей легковых извозчиков только около 150 было признано годными к использованию⁴⁰.

Ряд постановлений касался и других сторон жизни обывателей, в том числе вывоза нечистот, правил розничной торговли и работы питейных заведений. В частности, торговцам иконами было запрещено раскладывать их при продаже на землю, учитывая «святость продаваемых предметов», указывалось на необходимость иметь при себе для этого переносные лотки. Владельцам пивных лавок во избежание тайного разврата было запрещено держать женскую прислугу. В связи с оттепелью чинам полиции было приказано «озаботиться очисткой панелей от льда и снега, убрать нависающие на крышах льдины», обратить внимание на дворы, переулки, глухие улицы и Мытный двор⁴¹.

³⁷ Нижегородский листок. – 1894. – № 76 (18 марта). – С. 2.

³⁸ Волгарь. – 1894. – № 40 (19 февраля). – С. 2.

³⁹ Приказ по городской полиции № 67 от 19 марта 1894 // Волгарь. – 1894. – № 64 (19 марта); Назначена особая комиссия для проверки знаний полицейской службы // Волгарь. – 1894. – № 67 (23 марта).

⁴⁰ Нижегородский листок. – 1894. – № 108 (22 апреля); № 109 (23 апреля).

⁴¹ Нижегородский листок. – 1894. – № 77 (19 марта). – С. 2; Волгарь. – 1894. – № 48 (1 марта); № 79 (30 марта).

Предметом особой заботы полицмейстера стали дети. После того, как на Осыпной улице был задавлен мальчик, вышел приказ полицмейстера, потребовавший от постовых не допускать скопления посреди улицы детей. В последующих указах он потребовал обязать содержателей мастерских, торговых и промышленных заведений «не поручить детям переносить непосильные тяжести» (имелись в виду ученики и подмастерья), а в апреле он обязал подпиской владельцев лодок о недопущении катания на Черном пруду малолетних детей без присмотра старших⁴².

Апрель

На 5 апреля был назначен смотр всем чинам городской полиции на Арестантской площади. Полицейстера не устроило обмундирование служащих полиции: в конце месяца он распорядился произвести пригонку мундиров по фигуре, т. к. чины полиции «имеют распущенный и неряшливый вид».

Митрофан Константинович обратился к городскому голове, сетуя на то, что «обмундирование нижних полицейских чинов при осмотре было найдено крайне неудовлетворительным и требующим замены, но в запасе их не имеется», при этом «сроки для службы обмундировочных вещей, установленных для воинских чинов, не применимы к чинам полиции». Он предложил заменить существующий способ заготовления форменной одежды: «отпустить в его распоряжение наличных денег в размере 25 рублей на городского и 4 рубля на рассыльного и передать суммы, следующие на содержание полиции и пожарных команд». Этот вопрос был вынесен на обсуждение городской думы и городской управы⁴³.

Смотр нижегородской полиции и пожарных команд, 5 апреля 1894 года.

Фрагмент фото М.П. Дмитриева

(из книги «Нижний Новгород: история в фотографиях»)

⁴² Волгарь. – 1894. – № 69 (25 марта). – С. 2; Волгарь. – 1894. – 28 марта (Воскресное приложение); № 89 (21 апреля). – С. 3.

⁴³ Нижегородский листок. – 1894. – № 114 (28 апреля). – С. 2; Волгарь. – 1894. – № 100 (4 мая). – С. 2.

В связи с приближением Пасхи полицмейстер издал антикоррупционный приказ, в котором потребовал истребить «варварский обычай» обращаться с поздравлениями к домовладельцам и обывателям. Понятно, что его гнев вызывали подношения, которые могли рассматриваться как взятка чиновникам.

Одновременно по случаю прибытия в город чудотворной Оранской Владимирской иконы Божией Матери и организации ежегодного крестного хода он потребовал усилить надзор: «для наблюдения за порядком по городским приходским церквям ...назначить особые наряды по одному чиновнику полиции и по 4 городских»⁴⁴.

В ряде распоряжений обращалось внимание приставов и их подчиненных на рыночную торговлю. Им вменялось в обязанность проверять правильность мер и весов и не допускать явной антисанитарии. В частности, было замечено:

«...во время базара мясные продукты раскладываются прямо на землю, что в виду наступления теплых дней и пыли не должно быть дозволяемо. Рыба продается из плетеных корзин. Многие торговцы не имеют фартука и одеты крайне неряшливо. Лошади ставятся близко к продуктам, и на них попадает помёт»⁴⁵.

При этом не оставались незамеченными и положительные явления, примером чему служит премирование:

«Конному стражнику Лукину за обнаружение 14 пудов некачественной говядины выдать награду 2 рубля серебром»⁴⁶.

От чинов полиции Митрофан Константинович потребовал «приступить к исправлению городских мостовых», озаботиться приведением фасадов домов в порядок, особенно во 2-й полицейской части, где многие имеют вид руин, следить за своевременной уборкой сора, чтобы он. Приставу Рождественской части было велено «обратить внимание на ночлежные квартиры не разносился ветром, чтобы в них не могли приютиться беспаспортные и всякие тёмные личности»⁴⁷.

На протяжении нескольких месяцев настойчиво обращалось внимание на наружную рекламу: одни вывески требовалось заменить по причине безграмотности или ветхости, на других предписывалось указать фамилию владельца, при этом было велено убрать с фасадов ненужные украшения. Полицмейстер лично разработал единый стиль и размер вывесок: высота не более 3-х аршин, ширина не более 6-ти аршин, они должны быть продольными, крепиться не менее как на двух опорах, располагаться на одном уровне. Вначале даже предлагалась единая цветовая гамма (на чёрном фоне жёлтые или золотые буквы), потом цвет и рисунок разрешались любые по усмотрению владельца, но образцы вывесок было необходимо представить на утверждение в полицейское управление⁴⁸.

В 1894 году Нижний Новгород стал транзитным пунктом переселения крестьян из внутренних губерний в Сибирь. Из приказа нижегородского полицмейстера:

«Ввиду большого наплыва переселенцев... предложить приставу Макарьевской части Воскресенскому зоркое наблюдение, чтобы семьи не располагались в ярмарочных зданиях для ночлега. По соглашению с городской

⁴⁴ Волгарь. – 1894. – № 95 (28 апреля). – С. 2.

⁴⁵ Волгарь. – 1894. – № 89 (21 апреля). – С. 3.

⁴⁶ Нижегородский листок. – 1894. – № 117 (1 мая). – С. 2.

⁴⁷ Волгарь. – 1894. – № 95 (28 апреля); № 97 (30 апреля).

⁴⁸ Нижегородский листок. – 1894. – № 91 (2 апреля); Волгарь. – 1894. – № 96 (29 апреля); № 100 (4 мая).

управой размещать в соляных амбарах и на постоянных дворах, следить за санитарным состоянием помещений, немедленно приглашать к больным врача...»⁴⁹.

Май

1 мая по распоряжению полицмейстера рабочие, собиравшиеся до сего времени для найма на набережной Волги и стеснявшие проход и проезд для публики, должны были собираться теперь на Живоносной площади, против пристани Зевеке⁵⁰.

Часть майских приказов вновь коснулась правил несения полицейской службы:

«...околоточные надзиратели прохаживаются по улицам небрежно одетыми, без оружия, с пальто внакидку и курящие, позволяя себе даже на дежурстве и в нарядах. <...> Постовые берут у торговцев сладости, орехи и грызут их на посту. <...> Вынужден вновь предложить приставам строго внушить своим подчиненным, что при повторном подобном случае они будут подвергаться строгому взысканию»⁵¹.

После того, как к в полицейское управление обратился с прошением о приёме в городовые 60-летний мужчина, Сементовский-Курилло издал следующее распоряжение:

«Принимая во внимание, что для поступления на полицейскую службу требуются люди безупречной нравственности, преимущественно грамотные и в полной силе, о чём я неоднократно лично объяснял гг. приставам, предписываю при представлении к определению в городовые строго руководствоваться моими указаниями»⁵²

От взора бдительного полицмейстера не укрылись ни сборщики «на строительство и обновление храмов», ни бродячие шарманщики, распеваящие около церквей во время службы, ни масса нищих и проституток на улицах города, ни цыгане, занимающиеся гаданием. Вся эта шатия-братия представляла угрозу для кошельков и личной безопасности публики, в связи с чем чинам полиции предписывалось бдительно следить за порядком, проверять паспорта у подозрительных лиц и контролировать работу уличных сторожей⁵³.

В начале мая был утверждён надзор сыскного отделения за подозрительными лицами, прибывшими в город на теплоходах⁵⁴.

Как-то раз в ресторане Молоткова один из гостей назвался родственником видного нижегородского административного лица и не оплатил заказ, и полицмейстер предписал о каждом подобном случае доводить до сведения полиции, а виновных приводить в участок⁵⁵.

⁴⁹ Приказ по городской полиции от 29 апреля 1894 года // Волгарь. – 1894. – 96 (29 апреля).

⁵⁰ Волгарь. – 1894. – № 98 (1 мая). – С. 2.

⁵¹ Волгарь. – 1894. – № 101 (5 мая).

⁵² Волгарь. – 1894. – № 118 (25 мая).

⁵³ Приказы по городской полиции // Волгарь. – 1894. – № 22 (28 января); № 67 (25 марта); № 100 (4 мая); Памятная записка чинам нижегородской полиции от 29 марта 1894 г. // Волгарь. – 1894. – № 79 (30 марта).

⁵⁴ Волгарь. – 1894. – № 103 (7 мая).

⁵⁵ Волгарь. – 1894. – № 102 (6 мая); № 103 (7 мая).

С 8 по 16 мая Митрофан Константинович находился в краткосрочном отпуске. Вернувшись, он объявил благодарность своему заместителю А.А. Знаменскому и полицейским, принявшим участие в наряде 20 мая по случаю открытия ярмарочных торгов⁵⁶.

21 мая полицмейстер вместе с городским головой Д.Н. Дельвигом и техниками участвовал в торжественном молебне на открытии сообщения через Оку, состоявшемся в 8 утра на середине плашкоутного моста⁵⁷.

***Плашкоутный мост на Нижегородскую ярмарку.
Фото М.П. Дмитриева***

Особую группу приказов 1894 года составляют распоряжения, свидетельствующие о гуманном отношении полицмейстера к животным. Чинам полиции было вменено в обязанность наблюдение за ломовыми извозчиками «в виде предупреждения чрезмерной нагрузки тяжестей на возе, доходящей до 60 пудов на одну лошадь». Он пригрозил ответственностью хозяевам «бродячего без присмотра по улицам домашнего скота» (лошадей, коз и прочих) и торговцам живым рогатым скотом, допускаям мучения животных перед забоем (порой телят по несколько дней держали связанными без еды и питья)⁵⁸.

В конце мая – начале июня сообщалось о первых успехах сыскной полиции: был пойман вор-рецидивист Дерунов благодаря имеющейся в сыском столе его фотографической карточке; раскрыта кража и пойманы мошенники, подделывавшие банковские ассигнации⁵⁹.

С 19 мая по 30 июня ежедневно, кроме праздничных дней, части нижегородского гарнизона производили учебные стрельбы, в связи с чем был издан приказ, предписывающий приставам принять меры в предупреждение несчастных случаев⁶⁰.

Июнь

6 июня Митрофан Константинович стал крёстным отцом для... еврейской семьи, принявшей православие. Вот что об этом сообщал «Волгарь»:

⁵⁶ Волгарь. – 1894. – № 111 (17 мая).

⁵⁷ Волгарь. – 1894. – № 115 (21 мая).

⁵⁸ Приказы по городской полиции // Волгарь. – 1894. – № 11 (15 января); № 103 (7 мая); № 115 (21 мая).

⁵⁹ Волгарь. – 1894. – № 120 (28 мая); № 127 (5 июня).

⁶⁰ Нижегородский листок. – 1894. – № 138 (22 мая).

«Вчера перед литургией в церкви Покрова Пресвятой Богородицы совершено было крещение еврейской семьи Коган [*мать и две дочери, отец крестился раньше – Т.К.*]. Восприемниками были: полицмейстер Сементовский-Курилло и г-жа Зыкова»⁶¹.

В июньских приказах полицмейстера вновь обращалось внимание на беспорядки в городе вследствие плохого надзора со стороны полиции: «близ Чёрного пруда и по Алексеевской улице скопляются проститутки», на Откосе «валяются пьяные оборванцы», «на Миллионной пьяный люд играет в орлянку и другие азартные игры», мостовые содержатся небрежно, дворники почти не метут улиц, питейные заведения открываются и закрываются не вовремя.

Приставам приказано завести дневники или особые тетради, куда записывать все распоряжения, наряды и поручения по своей части под роспись для контроля, при утренних рапортах докладывать, все ли исполнены поручения, иначе последуют взыскания. Полицейским указано на необходимость называть свои фамилию и должность по требованию обратившихся к ним лиц⁶².

По поручению полицмейстера в течение месяца производились санитарные осмотры дворовых территорий и внутренних помещений домовладений 1-й Кремлевской части (на улицах Большой Покровской, Осыпной, Малой Печёрской и других), в ходе которых были выявлены многочисленные нарушения.

Июль

С 1 по 14 июля вновь производились учебные стрельбы частями Окского и Клязьминского батальонов, что потребовало особых мер по обеспечению безопасности⁶³.

В своём очередном заседании 7 июля 1894 года городская дума Нижнего Новгорода утвердила правила для велосипедистов. Это событие нашло отражение в книге современного автора, исследователя истории города Заволжье Сергея Минутина. Вот небольшой фрагмент из его книги⁶⁴:

Страстный энтузиаст только что родившегося вида спорта **НИКОЛАЙ РИЧАРДОВИЧ БАРТО** мечтал об учреждении в Нижнем Новгороде товарищества любителей велосипеда, которое бы имело свой устав и свои финансы для покупки инвентаря... в черте города велосипедистам властью местного полицмейстера появляться было запрещено строго-настрого. Глава нижегородской полиции **Митрофан Курила-Сементовский** явно благоволил к лошадям и терпеть не мог господ на кургузых дребезжащих велосипедах. Интересно отметить, что женщинам категорически воспрещалось садиться на велосипед. Но в конце концов энтузиазм преодолел запреты власть предержащих, и спортсмены стали появляться на городских улицах. Первым нижегородским велосипедистом стал **НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ КОЖЕЛЕВ**. Это ему был вручён билет № 1 на право езды по Нижнему Новгороду за подписью управляющего делами канцелярии господина полицмейстера».

⁶¹ Волгарь. – 1894. – № 128 (7 июня).

⁶² Волгарь. – 1894. – № 130 (9 июня).

⁶³ Нижегородский листок. – 1894. – № 180 (2 июля).

⁶⁴ Минутин С. История города Заволжье [электронный ресурс] : режим доступа: https://books.google.ru/books?id=6bgpDwAAQBAJ&pg=PT69&lpg=PT69&dq=полицмейстер+Сементовский&source=bl&ots=YCGtsNCmGK&sig=OVfiGeGlrMZOEgyXE4n_

Прокомментируем этот пассаж. Действительно, велосипедистам было строго запрещено появляться на улицах города, и велосипедные гонки проводились за городом, но автором этого запрета является ещё предыдущий начальник нижегородской полиции Н.Г. Каргер. В заседании думы 2 июня 1894 года рассматривалось ходатайство общества велосипедистов в городскую управу о разрешении езды по городу. Общество обещало, что «разрешение на езду будут выдаваться только лицам, достаточно опытным, выдержавшим, так сказать, аттестат «велосипедной зрелости»⁶⁵.

Городская управа запросила заключение нижегородского полицмейстера о возможности велосипедной езды по Нижнему Новгороду, на что он ответил согласием.

Приведём полностью официальный ответ Сементовского-Курилло (отношение от 11 июня 1894 года за № 1541):

«Езда на велосипедах, при известных условиях предосторожности, разрешена в С.-Петербурге. Не встречая поэтому препятствий к допущению такой в Нижнем Новгороде, в ограждение общественной и личной безопасности, я полагал бы: 1) разрешить прогулки на велосипедах повсеместно по городу ранним утром до 8 часов утра, в остальное же время дня лишь в менее людных местностях, за исключением Большой Покровки, Благовещенской площади, Большой и Малой Печерских улиц, базарных площадей в дни базаров и в таких вообще местностях, где вследствие церковного или гражданского торжества и по другим особо выдающимся случаям, стекается масса населения и зрителей; 2) не допускать езды на велосипедах по тротуарам улиц, на пешеходных аллеях откосов и городских скверов, как равно и по плашкоутному мосту; 3) не допускать, на основании существующих распоряжений Министерства Народного Просвещения, велосипедную езду по городу совершенно воспитанникам средних учебных заведений, а также и дамам; 4) лица, желающие воспользоваться правом совершать по городу прогулки на велосипедах, обязаны будут подвергнуться предварительному испытанию в езде комиссией, которая учреждена будет мною при городском полицейском управлении, причем неопытные велосипедисты на такую езду разрешения не получают и 5) относительно порядка и быстроты езды по городу, согласно примечанию к §19 устава для нижегородского общества велосипедистов, будут изданы мною особые для них правила, которые обязательны будут для всех участников»⁶⁶.

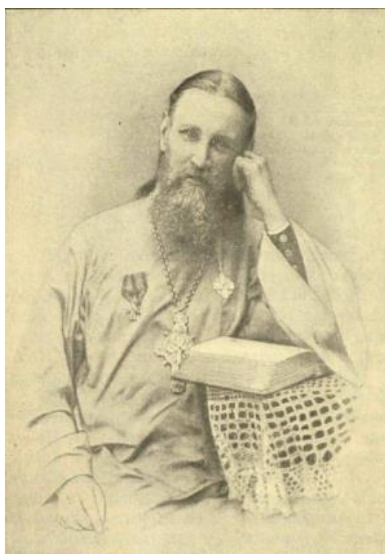
На основании этого мнения городская дума закрытой баллотировкой большинством голосов (20 против 13) и приняла правила для велосипедистов, которые стали шагом вперёд по отношению к прежним, утверждённым в 1893 году.

7 июля Нижний Новгород в очередной раз посетил протоиерей Иоанн Ильич Сергеев, более известный как Иоанн Кронштадский. Всенародную любовь ему снискали праведность, милосердие и широкая благотворительность.

На сей раз Иоанн Кронштадский побывал здесь во время путешествия по Волге, осуществлённого «с целью отдохнуть и ...полюбоваться волжскими видами...». Духовный писатель Яков Иванович Зарницкий (1855–1907) написал книгу о путешествии Иоанна Кронштадского по Волге.

⁶⁵ Волгарь. – 1894. – № 126 (4 июня); № 155 (9 июля).

⁶⁶ Протокол городской думы от 7 июля 1894. Ст. 248.

**Митрофорный протоиерей Иоанн Кронштадский.
Портрет из книги Я.И. Зарницкого
«О. Иоанн Кронштадтский на Волге летом 1894 года»**

— 92 —
Нижний-Новгородъ.
Когда на другой день, 7-го июля, около 5 часовъ вечера «Отважный» приближался къ Нижнему, навстрѣчу ему вышло нѣсколько пароходовъ, которые образовали цѣлую флотилію. Два изъ нихъ: «Разсылный» и «Лихой», были любезно предоставлены публикѣ г. Власевымъ для этой встрѣчи о. Иоанна. Въ числѣ пассажировъ на первомъ пароходѣ находились помощникъ полиціймейстера г. Знаменскій и уѣздный исправникъ г. Яковлевъ, а на второмъ—А. П. Власевъ. Встрѣчавшіе пароходы одинъ за другимъ причаливали къ остановившемуся «Отважному» и прибывшіе на нихъ переходили на палубу «Отважного», гдѣ находился о. Иоаннъ, всѣхъ просто и сердечно привѣтствуя, всѣхъ благословляя и раздавая образки. Принявшіе благословеніе съ сожалѣніемъ отходили, уступая свое мѣсто другимъ. Вскорѣ подошелъ паровой барказъ «Стрѣла», на которомъ прибылъ г. начальникъ губерніи Н. М. Барановъ въ сопровожденіи городского головы барона Д. Н. Дельвига, В. И. Мензелинцевъ, И. М. Рукавишниковъ, М. Ф. Кульчицкаго, А. В. Баулина и нѣкоторыхъ другихъ. О. Иоаннъ направился навстрѣчу Н. М. Баранову и преподавши ему благословеніе, облобызалъ его и сердечно благодарилъ, въ то же время благословляя и городъ Нижний и общія молитвы о благополучіи его жителей. Хотя батюшка имѣлъ нахвѣненіе безостановочно продолжать свое путешествіе, но когда Н. М. Барановъ попросилъ его посмотрѣть и благословить его нижегородское дѣтище—«Домъ трудолюбія», о. Иоаннъ согласился на приглашеніе, и «Отважный» подошелъ къ пристани. Тутъ стояли массы народа. Съ большими усиліями провезенный до экипажа, о. Иоаннъ сѣлъ вмѣстѣ съ Н. М. Барановымъ, и экипажъ помчался по нижней набережной къ зданію Печерскихъ казармъ, гдѣ помѣщается Домъ трудолюбія. Вѣсть объ этомъ быстро разнеслась по городу: по разнымъ направленіямъ неслись экипажи, народъ бѣжалъ, какъ на пожаръ.

— 93 —
Въ «Домѣ трудолюбія» въ сопровожденіи Н. М. Баранова, М. И. Рукавишниковъ и М. Ф. Кульчицкаго о. Иоаннъ обошелъ всѣ помѣщенія и мастерскія, столовую и кухню, гдѣ отвѣдалъ свѣженспекеннаго хлѣба. Въ мастерскихъ привѣтливо поощрялъ трудящихся на здоровый, веселый и благословенный Богомъ трудъ. При переходахъ изъ одного помѣщенія въ другое къ о. Иоанну со слезами умиленія подносили дѣтей, которыхъ онъ ласково цѣловалъ и благословлялъ. Въ конторѣ о. Иоанну показали уставъ и вручили краткій отчетъ о состояніи нижегородскаго «Домъ трудолюбія». Здѣсь о. Иоаннъ благословилъ еще разъ и поцѣловалъ И. М. Рукавишниковъ, такъ много сдѣлавшаго для «Домъ трудолюбія». «Пусть

— 94 —
ростетъ домъ, пусть цвѣтетъ и процвѣтаетъ, пусть будетъ полонъ, какъ добрый улей»,—высказывалъ свои благожеланія этому учрежденію о. Иоаннъ.
Въ одномъ изъ помѣщеній предъ аналоемъ былъ совершенъ водосвятный молебенъ, послѣ котораго о. Иоаннъ отбылъ изъ «Домъ трудолюбія». Опять при энергичномъ содѣйствіи полиціи подъ охраною Н. М. Баранова, М. К. Сементовскаго-Курилло, И. М. Рукавишниковъ, М. Ф. Кульчицкаго и нѣкоторыхъ др. о. Иоаннъ среди нахлынувшей массы народа былъ проведенъ къ экипажу. Тысячная толпа собралась и у зданія, приобращеннаго Рукавишниковымъ для «Домъ трудолюбія», на Ковалихинской улицѣ, но экипажъ съ о. Иоанномъ и Н. М. Барановымъ промчался мимо къ пристани рѣчной полиціи, гдѣ они сѣли на барказъ и направились къ «Отважному», стоявшему на срединѣ рѣки противъ «стрѣлки» въ ожиданіи о. Иоанна.
Въ 7^{1/2} часовъ вечера отецъ Иоаннъ простился съ Н. М. Барановымъ и сопровождавшими его, и «Отважный» поплылъ дальше къ Ярославлю («Нижегор. Листокъ» 8 июля 1894 г. № 186).
Утромъ, 8-го июля, пароходъ «Отважный» остановился на якорѣ близъ г. Юрьева. Хотя здѣсь и не могли быть предупреждены о прибытіи о. Иоанна, потому что телеграфное сообщеніе было прервано наканунѣ грозой, однако

Из неё следует, что 25 июня 1894 года о. Иоанн по пути в Саратов останавливался на некоторое время у села Бор напротив Нижнего Новгорода, где его смогли посетить лишь некоторые приглашённые лица. На обратном пути, 7 июля, он кратко побывал и в самом городе, где его встречали тысячные толпы народа. Вот почему передвигаться пришлось в сопровождении свиты из первых лиц губернии — губернатора Н.М. Баранова, городского головы Д.Н. Дельвига, полицмейстера М.К. Сементовского-Курилло и его заместителя А.А. Знаменского, гласных городской думы. Посетив Дом трудолюбія, почётный гость совершил водосвятный молебен, после чего «...при энергичном содействии полиціи под охраною Н.М. Баранова, М.К. Сементовского-Курилло, И.М. Рукавишниковъ, М.Ф. Кульчицкого и некоторых других о Иоанн среди нахлынувшей массы народа был проведён к экипажу» и проследовал до пристани речной полиціи⁶⁷.

15 июля в Главном ярмарочном доме было открыто ярмарочное полицейское управление, а 17 июля на ярмарку для управления ею переехали начальник губернии Н.М. Баранов и полицмейстер М.К. Сементовский-Курилло.

⁶⁷ Зарницкий Я. И. О. Иоанн Кронштадтский на Волге летом 1894 года. — Санкт-Петербург: тип. П.П. Сойкина, 1895. (О пребывании в Н. Новгороде см. с. 92-94).

В связи с этим временно исполнять его обязанности по городу был назначен помощник полицмейстера Пётр Алексеевич Предтеченский. Главный же надзор оставался по-прежнему за Митрофаном Константиновичем. На время торгов была создана ярмарочная сыскная часть, которую возглавил А.А. Знаменский.

Наблюдения Сементовского-Курилло за жизнью ярмарки способствовали дальнейшим шагам по совершенствованию работы сыскной полиции. Волгарь сообщал:

«В ярмарке очень часто бывают случаи, когда разные лица, не имеющие никакого отношения к полиции, называют себя агентами. Появляясь в увеселительных местах и гостиницах, они очень ловко обдeldывают свои дела, заявляя: «Я – агент сыскной полиции!». Теперь этим проделкам положен конец. По распоряжению полицмейстера у каждого агента имеется фотографическая карточка с подписью полицмейстера и казённой печатью. Лица, которым придётся иметь дело с агентами, могут потребовать от него карточку, и если таковой не окажется, должны представить самозванца в полицию»⁶⁸

Самым отчаянным уголком ярмарки была Самокатская площадь, и «В видах предупреждения криминальных случаев в притонах полицмейстером сделано распоряжение, чтобы все публичные дома на Самокатской площади обязательно закрывались одновременно с трактирами, и чтобы с 2 ч. ночи площадь была очищена от праздного и пьяного люда»⁶⁹.

Август

Нижегородская пресса сообщает несколько интересных случаев, связанных с деятельностью М.К. Сементовского-Курилло на ярмарке. Так, корреспондент «Волгаря» воочию наблюдал картину, как ярмарочное полицейское управление было заполнено дамами в шикарных нарядах, благородного вида и даже принадлежащими к знатым семействам. Все 15 арестованных женщин оказались ...воровками. Благодаря внешнему виду и знанию иностранных языков они входили в доверие к богатым коммерсантам и успешно помогали им избавляться от крупных сумм денег. Благодаря организации сыскного отделения на ярмарке и умелому руководству полицмейстера мошенниц удалось выявить и задержать.

А несколько дней спустя ярмарочное полицейское управление наводнила толпа артистов «Эден-театра». Ярмарочный общедоступный театр, существовавший на паях, разорился, и положение не спасло даже приглашение известного актера В.П. Далматова. Труппа обратилась к губернатору Н.М. Баранову с ходатайством нарушить договор товарищества и сложить долг театра Ярмарочной конторе в размере 700 рублей. Губернатор поручил выяснить дело М.К. Сементовскому-Курилло, который для разбора всех обстоятельств и пригласил в управление артистов и представителя Ярмарочной конторы Рождественского. Дело тянулось целый месяц: лишь 23 сентября «в полицейском управлении прошла окончательная переторжка на ярмарочные лавки, назначенные в продажу за невзнос недоимок ярмарочной конторе»⁷⁰.

⁶⁸ Волгарь. – 1894. – № 162 (17 июля).

⁶⁹ Волгарь. – 1894. – № 164 (19 июля).

⁷⁰ Волгарь. – 1894. – № 227 (24 сентября).

Сентябрь

6 сентября нижегородский полицмейстер Сементовский-Курилло переехал с ярмарки в город. Исполнение его обязанностей на ярмарке до её фактического окончания было возложено на помощника полицмейстера Александра Алексеевича Знаменского, который не мог покинуть ярмарку до тех пор, пока к нему не иссяк поток служителей с жалобами на неоконченные расчёты.

Вернувшись к своим обязанностям по городу, М.К. Сементовский-Курилло распорядился произвести облаву на беспаспортных в ночлежных домах на нижнем базаре. Было арестовано 220 человек, из которых 103 отправлены в тюрьму, остальные – в полицейские части по месту жительства в уездах⁷¹.

Октябрь

С разрешения начальника губернии Митрофан Константинович 1 октября отправился в отпуск, исправление должности полицмейстера в его отсутствие перешло к заместителю – А.А. Знаменскому.

Ноябрь

В начале ноября сообщалось:

«Нижегородский полицмейстер М.К. Сементовский-Курилло подал г. начальнику губернии прошение о продлении ему ещё на 28 дней разрешённого ранее отпуска и об отчислении его по истечении отпуска от занимаемой им должности полицмейстера. Помощник нижегородского полицмейстера А. Знаменский распоряжением губернатора назначается помощником заведующего отделением по охране порядка и спокойствия в Нижнем Новгороде с отставлением от должности помощника полицмейстера, заведующего сыскной частью в городе и временно исполняющим обязанности полицмейстера»⁷².

С 26 ноября, согласно прошению, Митрофан Константинович был отчислен от должности нижегородского полицмейстера, и с начала декабря 1894 года его заменил подполковник князь Михаил Викторович Волконский, ранее служивший чиновником особых поручений при киевском генерал-губернаторе⁷³.

Вот как излагает свою версию этих событий Борис Садовской:

«Новый полицмейстер году не пробыл в Нижнем. Выжил его Баранов, не любивший людей самостоятельных. С губернатором у Курилы доходило до крупных разговоров. «Бог меня спас, что я не дал в морду Баранову!» – воскликнул однажды Курила в гостях у Алфераки. Его сменил князь Волконский, аристократ и богач, без жалованья служивший из любви к делу в полиции...»⁷⁴.

⁷¹ Волгарь. – 1894. – № 221 (17 сентября).

⁷² Волгарь. – 1894. – № 263 (4 ноября); № 265 (6 ноября).

⁷³ Волгарь. – 1894. – № 289 (30 ноября); Адрес-календарь Нижегородской губернии на 1895 год. – Нижний Новгород, 1895. – С. 16.

⁷⁴ Садовской Борис. Указ соч. – С. 130–131.

Сейчас трудно судить, насколько это верно. Несомненно одно: Митрофан Константинович считал себя лично ответственным за всё происходящее в городе и требовал того же от других, что не могло не вызывать недовольства у некоторых лиц из его окружения. После возвращения в Петербург он состоял в полицейском резерве градоначальства, в ноябре 1895 года был назначен полицмейстером в Астрахань⁷⁵, а с 1896 года служил чиновником особых поручений в Главном интендантском управлении.

В 1897 году М.К. Сементовский-Курилло был назначен на должность Александропольского уездного начальника Эриванской губернии (ныне город Гюмри), где с 1899 года являлся старшим директором Александропольского отдела Общества попечительства о тюрьмах⁷⁶. В 1899 году он усыновил трёхлетнего мальчика Николая, который получил его отчество и фамилию – Николай Митрофанович Сементовский-Курилло.

В 1900 году подполковник Сементовский-Курилло был обвинён в растрате казённых денег, отстранён от должности и осуждён, однако 21 июня 1901 года Уголовный кассационный департамент Сената приговор по его делу отменил, и все обвинения были сняты⁷⁷.

В 1903 году Митрофан Константинович был назначен управляющим приютом имени принца Петра Георгиевича Ольденбургского в С.-Петербурге.

В июне 1906 года М.К. Сементовский-Курилло вышел в отставку и начал процедуру развода с пропавшей супругой для того, чтобы узаконить родившихся в гражданском браке детей.

«От С.-Петербургской дух. консистории сим объявляется, что в оную 1 июня 1906 года вступило прошение подполковника в запасе Митрофана Константинова Сементовского-Курило, жительствующего в С.-Петербурге, по Тверской улице, в д. № 5-2, о расторжении брака его с женою Елисаветою Димитриевою Сементовскою-Курило, венчанного причтом церкви женского института гор. Иркутска 24 января 1883 года. По заявлению просителя Митрофана Константинова Сементовского-Курило, безвестное отсутствие его супруги Елисаветы Димитриевой Сементовской-Курило началось из гор. С.-Петербурга в 1887 году. Силою сего объявления все места и лица, могущие иметь сведения о пребывании безвестно отсутствующей Елисаветы Димитриевой Сементовской-Курило, обязываются немедленно доставить оные в С.-Петербургскую духовную консисторию»⁷⁸.

Брак был расторгнут Указом Иркутской Духовной консистории от 7 сентября 1907 года с предоставлением права вступить в новое супружество.

Второй женой Митрофана Константиновича стала Вера Дмитриевна, урождённая Алфераки, двоюродная сестра его матери Анны Ильиничны. Вера Дмитриевна была младше Митрофана Константиновича на 14 лет: она родилась в Ростове на Дону 6 апреля 1870 года. В браке с Верой Дмитриевной у Сементовского-Курилло, который официально был узаконен только в 1915 году, родилось трое детей.

В 1910-е годы отставной подполковник Сементовский-Курилло вновь занялся ресторанным бизнесом: приобрёл у французских граждан Луизы и Карла Надерман право на содержание ресторана «Донон» по адресу: Мойка, д. 24. После проведённой оценки

⁷⁵ Нижегородский листок. – 1895. – № 309 (11 ноября). – С. 2.

⁷⁶ Кавказский календарь на 1899 год. – Тифлис, 1898. – С. 494.

⁷⁷ РГИА. Ф. 1363. Оп. 7. Д. 334. – Об отмене приговора по делу бывшего исполняющего должность начальника Александропольского уезда Эриванской губернии М.К. Сементовского и бывшего начальника земской стражи Мамед-бека Везирова, осуждённых за растрату.

⁷⁸ Церковные ведомости. – 1906. – Т. 19. – С. XLVIII.

перевёл ресторан на Английскую набережную в роскошный дворец у Николаевского моста, где много лет располагалось турецкое посольство, и дал ему название «Старый Донон». В 1911 году предприятие было преобразовано в акционерное общество под той же фирмой, и М.К. Сементовский-Курилло стал председателем правления и главным акционером.

На сайте «Газетные старости» мне попала любопытная заметка под заголовком «Бывшие»:

«Бывший нижегородский губернатор барон Фредерикс в настоящее время проживает в Петербурге без определённых занятий, испытывая большую материальную нужду. Лучше устроился бывший нижегородский полицеймейстер Знаменский: он служит в качестве одного из метрдотелей в петербургском ресторане «Донон», где главным распорядителем состоит также бывший нижегородский полицеймейстер Сементовский-Курилло»⁷⁹.

В том же 1911 году Митрофан Константинович приобрёл увеселительный сад на Крестовском острове в Петербурге – «излюбленное горожанами место летнего отдыха и воскресных прогулок».

Первая мировая война отрицательно сказалась на ведении его дел, и в 1914 году ресторан «Старый Донон» был закрыт.

После революции 1917 года Митрофан Константинович уехал с женой и двумя младшими сыновьями в Эстонию, где скончался 18 октября 1919 года в возрасте 62 лет (по другим сведениям, погиб в Вырице под Петербургом). Его жена Вера Дмитриевна умерла (или погибла) 31 января 1920 года.

Усыновлённый **Николай Митрофанович-первый** (1886–1937) родился в С.-Петербурге. Служил акцизным чиновником в Уфимской, Самарской, Варшавской и Седлецкой губерниях, после революции жил в Евпатории. В 1937 году был арестован по обвинению в антисоветской агитации, 17 августа осуждён Тройкой НКВД Крыма к расстрелу, приговор приведён в исполнение на следующий день. Реабилитирован 28 ноября 1989 года Прокуратурой Крымской области⁸⁰.

Георгий Митрофанович (1897–1921) родился 9 июня 1897 года в г. Любны Полтавской губернии. По окончании С.-Петербургского университета поступил на военную службу (прапорщик по армейской пехоте). В ноябре 1919 года был арестован органами ГПУ по обвинению в контрреволюционной деятельности и заключён в Нижнетагильский концлагерь для заключённых. В июле 1921 года переведён в Екатеринбург, в августе того же года расстрелян. Реабилитирован 5 июня 1992 года.

Константин Митрофанович (21 июля 1899, С.-Петербург – 6 августа 1964, Франкфурт-на-Майне). В апреле 1916 года окончил в Ораниенбауме школу прапорщиков. После революции вместе с родителями эмигрировал в Эстонию, затем с братом Николаем – в Германию, где сделал блестящую карьеру в банковском деле. Он являлся заместителем директора Дрезднер-банка, входил в комитет по строительству православного храма св. Николая-Чудотворца во Франкфурте-на-Майне. Покончил с собой в 1964 году. Похоронен на кладбище Хауптфридхоф.

Николай Митрофанович-второй (28 августа 1901, Полтавская губерния – 1 декабря 1979, Гейдельберг, Германия) – российско-украинский, итальянский, немецкий историк, психолог, социолог, писатель, журналист, редактор и астролог. Родился на Полтавщине, учился в Санкт-Петербурге, во время революции чудом остался жив. В 1919 году

⁷⁹ Бывшие // Одесский листок. – 1911. – 23 декабря.

⁸⁰ Книга Памяти жертв политических репрессий Автономной Республики Крым; ГААРК. Ф.р-4808. Оп. 1. Д. 016503 – Сементовский-Курилло Николай Митрофанович.

эмигрировал с родными в Эстонию, затем Германию, где по окончании Берлинского университета работал редактором в ряде издательств. Основал издательство политической газеты-журнала «Echo des Tages» («Эхо дня»), но после прихода к власти в 1933 году нацистов вынужден был покинуть Германию. Жил во Франции, Италии, Испании (где в 1944 году был арестован гестапо, но освобождён союзными войсками), Швейцарии. После окончания войны преподавал в католическом университете Милана и одновременно в Папском Григорианском университете в Риме. За ряд исторических работ получил звание почётного профессора. Его литературная деятельность велась на русском, немецком, французском, итальянском языках в различных жанрах – лирика, романы, рецензии, эссе и политико-культурная проза. В 1965 году переехал из Италии в Германию, умер в Гейдельберге 1 декабря 1979 года.

В заключение хочется отметить, что мои шаги по возвращению личности и деяний М.К. Сементовского-Курило в сферу внимания со стороны нижегородских специалистов, занимающихся историей правоохранительных органов, увенчались успехом, о чём свидетельствуют публикации А.Г. Радькова. Тем самым восстановлена историческая справедливость в отношении человека, занимавшего пост нижегородского полицмейстера менее года, поскольку она не была отражена в профильной литературе.

Декабрь 2025 года